

Художественное в художественном переводе

Кладов М. Н.

Акт перевода – акт сам по себе художественный, во многом уже только потому, что сопряжен с языком в его *художественной* вариативности, в полисемии языка, порождающей сладострастные поиски значений, сладострастные поиски не только смыслов текста, но и языка. Перевод существует как необычная форма мимесиса, как необычная форма понимания текста и языка.

Перевод самим фактом наличия *разных* языков помещен в ситуацию, когда он может быть вне этих языков, находясь в полной от них зависимости. Художественный текст, своим художественным, эстетическим отношением к языку, своей игрой в язык, ставит под сомнение существующий язык, его нормы и границы. Для Ортега-и-Гассета «писать хорошо – значит постоянно подтачивать общепринятую грамматику, существующую норму языка. Это акт перманентного мятежа» [*Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Что такое философия?* М.: Наука, 1991. С. 331]. У Бланшо: «Ибо писатель принадлежит языку, которым не говорит никто, который ни к кому не обращается, не имеет средоточия и ничего не открывает... Там, где он есть, говорит только бытие, и это значит, что слово больше не говорит, но есть» [*Бланшо М. Пространство литературы.* М.: Логос, 2002. С. 17].

Но художественный текст остается в контексте своего языка, расширяя его, включая, обнаруживая его новые потенции, но в самом языке. Перевод должен сыграть в два языка (как минимум). Он должен создать художественный перевод оригинала, в котором язык уже поставлен под сомнение. Язык в своём художественном преломлении, схваченный эстетически, настолько истончает саму ткань этого языка, что сквозь него начинает *просвечивать* «чистый язык» (Беньямин). Но это «просвечивание» осознается и осознает само себя лишь в переводе.

Перевод находится на границе; его задача – художественно и эстетически отнестись и к языку оригинала и к языку перевода, найти некоторые точки художественной, эстетической общности этих языков. Перевод является прорывом, исследованием, наблюдателем языка, не просто отдельного языка (русского, английского), но *языка*, «чистого языка». Речь, конечно, идет не о «историческом» сродстве языков, перевод не пытается объединить языки, поскольку его собственная возможность только в различии и несходстве. По сути, перевод играет с языками, стравливает метафоры, лишь *намекая* и на означаемое, и на «чистый язык».

Художественное в переводе рождается на основании художественного (и эстетического) отношения к собственно языку оригинала, и, в то же время, художественного отношения к языку текста. Одновременно перевод художественно относится и к «своему» языку, поскольку он выращивает

метафоры, образы в своем языке, играет с ними, подражая оригиналу. Общностью становится само художественное отношение к языку. Но, опять же, эта общность не объединяет языки, в их разности и фундирована возможность перевода (*художественная возможность*).

В переводе обнаруживается некий «общий язык», чья «общность» не историческая, но сущностная. Перевод выявляет сам способ бытования языка как языка, «языкобытие языка» (Ж. Деррида), то, что делает язык языком. Он намекает на это, перевод, функционируя, как и художественный текст «не высказывает», но создает ситуацию «явленности» этого.

Перевод является тем метаязыком, который, однако, не описывает данные ему языки, но говорит о языке вообще, он говорит о причинности языка, о его основе и природе. Как раз и получается, что тропинкой, намеком на всё это, на «языкобытие языка» является художественное в переводе, то посредством чего переводчик художественного текста и переводит. Перевод подражает оригиналу, пытается в него сыграть, но эта игра (в смысле художественном и эстетическом) направленная не на оригинал, не даже на язык оригинала, на самом деле она направлена исключительно на себя, на сам перевод.

Единственный путь лежащий к «чистому языку», содержится в переводе, в том *художественном* перевода, без которого он не возможен как перевод художественного текста. Сам художественный текст, раздвинув границы своего языка посредством эстетического, поэтического к нему отношения, на этом этапе замирает в своей бездеятельности. Перевод же помещает художественное отношение к языкам как бы «между» ними, он истончает двойную границу языков, он вынужден, он обязан обоим языкам, но он существует только в их различении, в художественном отношении, в игре с ними обоими.

Художественный перевод, перевод художественного текста обретает себя через художественное отношение к «заданным» языкам, художественное же и является тем, что позволяет переводу «являть», намекать на гораздо большее, на суть языка.